
18+
Гамаюн
Зорин Яромир

Яромир Зорин

Гамаюн

«Издательские решения»

Зорин Я.

Гамаюн / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Рафаэль возвращается из мест не столь отдаленных с одной целью — найти покой в родном доме. Но в глухой деревушке Запрудье его ждет лишь ледяное молчание: матери давно нет, а жизнь здесь течет по своим, пугающим законам.Говорят, там обитает Гамаюн — птица, чей облик ослепляет красотой, а судьба сулит лишь небытие. Легенда гласит: тот, кто встретит ее, уже никогда не вернется назад.

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Свет в конце долгой ночи 7
1 Часть 8
1 9
Тени Запрудья 10
2 11
Эхо пустого дома 12
3 13
Скрип невидимых ступеней 14
4 15
Перо и долг 16
5 17
Ночь под крылом Гамаюна 18
6 19
Сделка с Вестником 20
7 21
Встреча в глубине 22
8 23
Сети сестер 24
9 25
Окаменевшая надежда 26
10 27
Шепот Мораны 28
2 часть 29
11 30
Яворка 31
12 33
К чертову пальцу 34
13 36
Лель 37
14 39
Берегиня 40
15 42
Мамкино ушко 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Гамаюн

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7707-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Свет в конце долгой ночи

Лязг тюремных ворот за спиной прозвучал не как аккорд свободы, а как тяжелая, ржавая точка. Рафаэль поежился, подняв воротник потертой куртки. Семь лет. Время, которое скрипело, как несмазанная петля, внезапно кончилось, выплюнув его на обочину серой, продуваемой всеми ветрами трассы. Он сунул огрубевшую, покрытую шрамами руку во внутренний карман. Там, ближе всего к сердцу, лежал не паспорт и не справка об освобождении. Там покоилась стопка бумажных писем, перевязанная суровой ниткой. Края конвертов давно истрепались, бумага пожелтела, но для Рафаэля это было единственным сокровищем. В камере, где воздух был пропитан безысходностью и чужой злобой, он выживал только благодаря этим листкам. Мать никогда не упрекала его в письмах. Ни единого слова о том, какой позор он навлек на их маленькую семью, ни строчки о слезах, которые она наверняка проливала долгими ночами. Ее почерк — бисерный, чуть дрожащий — рассказывал о простых, земных вещах: о том, что в Запрудье в этом году уродились невероятные антоновские яблоки, о том, что старый кот Мурзик совсем ослеп, о том, что крыльцо покосилось и ждет мужских рук. Рафаэль закрыл глаза, вдыхая сырой осенний воздух, и перед ним, ярче реальности, всплыло лицо матери. Ее руки всегда пахли свежим тестом, парным молоком и немного — сушеной полынью. Он вспомнил одну из тех грозовых ночей своего детства, когда ветер выл, как раненый зверь, а стена дремучего леса за окном казалась надвигающейся армией тьмы. Маленький Рафаэль дрожал, забившись под лоскутное одеяло, пока теплые, шершавые от тяжелого труда ладони не легли ему на лоб.

— *«Не бойся темноты, Рафушка,* — шептала она тогда, гладя его по непослушным вихрам. — *Деревья шумят, потому что помнят тех, кто забыт. А мы с тобой здесь, мы живые. Пока в доме горит печь и мы есть друг у друга, никакой морок из чащи к нам не подберется». *

Она пела ему старые, протяжные колыбельные, и ее голос был тем самым маяком, который отгонял любых чудовищ. И даже когда он вырос, оступился и сам стал для кого-то чудовищем, мать осталась единственной, кто продолжал видеть в нем того самого испуганного мальчика. Она была его абсолютной, безусловной любовью — якорем, не дававшим ему окончательно сойти с ума среди колючей проволоки и лающих овчарок. «Я всё исправлю, мам, — твердил он себе сотни раз, глядя в серый бетонный потолок камеры. — Починю крыльцо, соберу эти чертовы яблоки. Буду сидеть у твоих ног, как в детстве, и просто слушать, как ты дышишь». Глухой рев мотора вырвал Рафаэля из воспоминаний. По трассе, поднимая фонтаны грязных брызг, тащился старый лесовоз. Мужчина шагнул на обочину и поднял руку. Ему предстоял долгий путь на попутках. Впереди ждало Запрудье. В его груди, несмотря на холод и пустоту, зажглось теплое, трепетное ожидание. Он мысленно уже бежал по знакомой тропинке к старому дому, видел свет в окне и родную фигуру на пороге. Рафаэль еще не знал, что свет в этом окне давно погас, антоновские яблоки сгнили на земле, а старые деревья в Лесу забытых уже начали шептать его имя.

1 Часть

1

Тени Запрудья

Автобус, пропахший смесью дизельного выхлопа, дешевого табака и застарелого пота, с надрывным кашлем выплюнул Рафаэля на обочину. Двери с шипением захлопнулись, и старая «колымага», подпрыгивая на колдобинах, быстро скрылась за поворотом, оставив после себя лишь облако едкой сизой взвеси. Здесь асфальт окончательно сдавался, уступая место раскисшей, рыжей грунтовке, которая вела вглубь поселка. Запрудье встретило его мертвой тишиной. Казалось, само время здесь остановилось, застряв в густой, липкой паутине забвения. Даже ветер, шелестевший в верхушках пожухлых лопухов, казался осторожным и пугливым, будто боялся потревожить серые, покосившиеся избы. Они сгрудились у самой кромки леса, как стая испуганных зверей, прижавшихся друг к другу в ожидании неминуемой грозы. Рафаэль поправил на плече тяжелую лямку походной сумки, впивавшуюся в костлявое плечо. Десять лет. Он крутил эту цифру в голове, как заезженную пластинку. Десять лет он рисовал в воображении этот путь, эту покосившуюся калитку, этот дом с заколоченными ставнями, который теперь смотрел на мир пустыми глазницами окон. Он ожидал чего угодно: острого приступа ностальгии, пронзительной боли, сдавленного всхлипа или хотя бы горького облегчения. Но внутри была лишь выжженная, холодная пустота — та самая, которую он привычно заливал дешевым алкоголем, чтобы не слышать собственного эха. В кармане куртки неприятно царапалось о подкладку стеклянное горлышко почти пустой чекушки. Рафаэль нащупал его пальцами, погладил холодный металл крышки, но не достал. Сейчас — еще рано. Еще слишком светло, и солнце, зависшее над лесом, казалось единственным свидетелем, на которого он не хотел произвести плохое впечатление. Он сделал первый шаг. Сапоги чавкнули в придорожной грязи, отзываясь в тишине неестественно громким звуком. Мимо проплыл чей-то заброшенный палисадник, где среди одичавшей крапивы белел скелет детского велосипеда — ржавый, без колес, навеки застывший в позе безнадежного ожидания. Воздух здесь был другим: густым, пахнущим прелой листвой, сырой землей и чем-то неуловимым — запахом старых обид, которые, казалось, впитались в каждую доску заборов. Рафаэль потянулся к вороту куртки, плотнее запахивая её на груди, хотя погода была по-летнему душной. Холод шел не снаружи. Холод поднимался из глубины его собственного существа, приветствуя родные места, которые, судя по всему, совершенно не ждали его возвращения.

2

Эхо пустого дома

Рафаэль толкнул калитку. Та послушно, без скрипа — словно ожидала этого движения — подалась внутрь. Двор зарос полынью и лебедой, скрывавшей остатки былого порядка: обрывок бельевой веревки, качающийся на ржавом гвозде, да перевернутое корыто, вросшее в землю. Он поднялся на крыльцо. Дерево под ногами глухо застонало. Рафаэль подергал ручку двери — заперто. Но под ковриком, выцветшим до состояния ветоши, его пальцы наткнулись на знакомый холод железа. Ключ. Старый, с облезшим латунным напылением. Дверь подалась с тяжелым, неохотным вздохом. Внутри пахло пылью, сушеными травами и той особенной, затхлой сыростью, какая бывает только в домах, где надолго выключили жизнь. Рафаэль прошел в горницу. Мебель была накрыта серыми простынями, превратившими кресла и шкафы в призрачные силуэты. Ни следов борьбы, ни хаоса — лишь застывшее ожидание. Он прошел на кухню, надеясь увидеть мать, услышать её шаги, но в ответ — только мерное тиканье ходиков, остановившихся, должно быть, годы назад. Пустота, грызшая его изнутри, вдруг стала физически ощутимой, сдавив горло. Он с силой выдернул чекушку из кармана, сорвал крышку и сделал жадный, обжигающий глоток. Горло обожгло, но легче не стало. Рафаэль вышел из дома, чувствуя, что стены начинают давить на него своей тишиной. Ему нужно было выбраться наружу, в туман, который уже начинал подниматься от реки. У самого края деревни, возле покосившейся лавки, он наткнулся на двоих. Они сидели на перевернутом ящике, привалившись спинами к забору, и выглядели так, будто срослись с этим пейзажем навсегда. Их лица, иссеченные морщинами и багровыми капиллярами, напоминали кору старого дерева. Один из них, с трясущимися руками, крутил в пальцах пустую бутылку. Рафаэль остановился, тяжело дыша. — Где хозяйка? — его голос прозвучал хрипло, как скрежет камня о камень. — Анна Ильинична. В доме пусто. Мужики переглянулись. Тот, что помоложе, с мутным, нефокусированным взглядом, медленно повернул голову к Рафаэлю. В его глазах не было сочувствия — лишь равнодушное удивление, какое бывает у животных, когда к ним обращаются с глупыми вопросами.

— Ильинична-то? — прошамкал старик, сплюнув густую слюну себе под ноги. — Ты, мил человек, опоздал. Лет на пять, а то и на все шесть. Рафаэль замер. Ветер дернул полы его куртки, а в ушах зашумело — так же, как шумит в пустой раковине, приложенной к уху.

— Как — опоздал? — переспросил он, чувствуя, как внутри что-то окончательно обрывается.

— А так, — равнодушно отозвался второй, не отрывая взгляда от горизонта. — Отмучилась она. Сначала всё ждала, на дорогу смотрела, а потом… потом тихо ушла. Осенью дело было. Мы её в лесочке, за старой церковью, и прикопали. По-христиански, как полагается. А дом… дом с тех пор и стоит. Никому он, кроме теней, не надобен. Рафаэль стоял, вцепившись в лямку сумки так, что побелели костяшки. Мир вокруг него вдруг потерял четкость, превратившись в размытое пятно серых изб и черных деревьев. Вся его цель, весь этот долгий путь, который он проделал, чтобы хоть где-то найти приют — всё это оказалось лишь декорацией для финала, который он пропустил. Он развернулся и, не оглядываясь, побрел обратно к дому. В кармане оставалось еще немного водки, но теперь она казалась ему бесполезной водой. Теперь он был не просто беглецом. Он стал призраком в своем собственном прошлом.

3

Скрип невидимых ступеней

Рафаэль вернулся к дому, когда сумерки уже окончательно поглотили деревню. Запрудье превратилось в скопление бесформенных черных клякс на фоне побледневшего неба. Свет в окнах не зажегся — да и не мог зажечься: электрические провода, тянувшиеся к дому, давно обросли пушистым мхом и бессильно провисли, словно порванные струны. Он зашел внутрь, не включая фонарик. Темнота здесь была осязаемой, густой, пропитанной ароматом сушеной полыни и старых газет. Он сел на пол прямо в прихожей, привалившись спиной к косяку. В полумраке комната казалась бесконечной.

— Опоздал, — прошептал он в пустоту. Голос прозвучал жалко, тонко. Рафаэль достал последние капли водки, но, поднеся горлышко к губам, вдруг замер. В наступившей тишине ему показалось, что он слышит нечто иное. Не шорох мышей, не скрип старого дерева от ветра. Это был тихий, размеренный звук — как будто кто-то осторожно перекладывал бумагу в дальней комнате. *Шурх. Пауза. Шурх.*

Холод, сковавший его на улице, сменился липким потом. Рафаэль медленно поднялся, опираясь рукой о дверной проем. Дерево под пальцами было влажным, холодным, словно живым.

— Мама? — голос дрогнул, срываясь на хрип. Никто не ответил. Звук прекратился. Рафаэль решительно щелкнул кнопкой фонарика. Луч света полоснул по комнате, вырывая из мрака танцующие пылинки. Он двинулся на звук — вглубь, к материнской спальне. Луч пробежал по обшарпанным обоям, по спинке железной кровати, и остановился на старом бюро, стоявшем в углу. Ящик бюро был приоткрыт. Рафаэль подошел ближе, его сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. На столешнице лежала стопка тетрадей, перевязанная выцветшей бечевкой. Сверху — пожелтевший конверт без марок, на котором его собственным, детским почерком было выведено: «Для Рафаэля». Он дрожащими пальцами коснулся бумаги. Письмо было тяжелым, словно в него вложили что-то еще. Внутри конверта, помимо листка, лежал маленький ключ от старинного напольного сундука, который всегда стоял в углу комнаты, накрытый грубым домотканым половиком. Рафаэль опустил взгляд на сундук. Тот стоял там же, где и десять лет назад, но теперь казался ему не просто предметом мебели, а якорем, удерживающим дом от распада. *«Я знала, что ты вернешься, когда мир станет слишком тесным для твоей боли», * — пробежал он глазами первые строки письма, написанные твердым материнским почерком. Рафаэль замер. В этот момент он осознал, что его возвращение не было случайным порывом или попыткой побега. Он шел сюда, как собака идет на зов хозяина, даже если этот хозяин давно сгнил под землей. Здесь, в этом доме, хранилось нечто, что объясняло его тягу к разрушению, его вечное чувство пустоты, его самого. Он подошел к сундуку, отбросил пыльный половик и вставил ключ в замочную скважину. Металл отозвался тяжелым, низким лязгом, который эхом отозвался во всех комнатах дома. Крышка поддалась. Внутри, в полумраке, лежало нечто, что заставило Рафаэля отпрянуть, хотя он не мог оторвать глаз от содержимого. Это было совсем не то, что он ожидал найти в наследстве матери.

4

Перо и долг

Луч фонарика дрожал, выхватывая из недр сундука не привычные вещи — не одежду, не старые фотографии и даже не деньги. На дне, на черном бархате, покоилось одно-единственное перо. Оно было неестественно длинным, с переливами, которые в луче света вспыхивали то холодным серебром, то ядовито-синим, то цветом запекшейся крови. Это было перо Гамаюна — птицы из сказок, о которой в Запрудье шептались лишь по большим праздникам, когда пьяная удаль позволяла вспомнить забытых богов. Рядом с пером лежал еще один листок — не письмо, а скорее выписка из какого-то ветхого дневника, почерк матери здесь был неровным, почти нервным:>

*«Тридцать лет назад, в поисках пропавшей козы, я забрела в чащу, куда не ступал ни один человек. Я нашла его — гнездо из колючего терновника и человеческих волос. Я была молода, глупа и напугана. Одно неловкое движение, один хруст сухой ветки — и гнездо рассыпалось. Птенец погиб на моих глазах. Та, что вернулась с неба, не кричала. Она просто посмотрела мне в глаза, и мир вокруг стал серым. «Ты лишила меня будущего, — сказала она голосом, похожим на стон тысяч деревьев, — теперь я заберу твое. Когда твои глаза потускнеют, ты придешь ко мне в лес. Ты станешь моей новой хранительницей». *> *Рафаэль, я ждала тебя, чтобы передать это бремя. Я не могла уйти, пока не отдала перо той, чья кровь течет в моих жилах. Я не мать тебе в привычном смысле, я — лишь временное пристанище для долга, который теперь переходит к тебе». *

Рафаэль почувствовал, как воздух в комнате стал густым и холодным, словно он оказался под толщей воды. Перо в сундуке слегка завибрировало, издав низкий, вибрирующий звук, похожий на гул натянутой струны. Он медленно протянул руку, и стоило его пальцам коснуться пера, как по комнате пронесся порыв ледяного ветра, хотя окна были плотно закрыты. Тени на стенах начали удлиняться, сплетаясь в причудливые узоры, напоминающие огромные крылья. В ту же секунду Рафаэль понял, почему его всю жизнь гнало прочь, почему водка была единственным спасением от невнятной тревоги. Он не просто искал убежища — он возвращался к месту своей службы. Дом в Запрудье не был родовым гнездом, это был пост охраны. Снаружи, из глубины леса, донесся крик — долгий, пронзительный и совершенно нечеловеческий. Это был не призыв, это был приказ. Рафаэль стиснул перо в кулаке. Острая боль пронзила ладонь, словно перо вонзило в него тысячи невидимых игл. Он больше не чувствовал пустоты. Теперь внутри него горел ледяной огонь — осознание того, что он не может уйти. Путь назад, к автобусу и городу, был отрезан не только пространством, но и самой судьбой, которая наконец-то настигла его. Он поднялся, чувствуя, как меняется его походка, как тяжелеет взгляд. Лес за окном, до этого казавшийся просто скоплением старых деревьев, теперь выглядел как живое существо, ждущее своего должника.

5

Ночь под крылом Гамаюна

Рафаэль не успел дойти до двери. Как только он сжал перо в кулаке, время в доме словно загустело, превратившись в вязкую смолу. Фонарик в его руке мигнул и погас — не от севших батареек, а так, будто свет поглотила сама темнота. Он остался в абсолютной, слепой черноте, но теперь она не была пустой. В тишине дома отчетливо зазвучало движение. Это не были шаги. По полу, по стенам, по потолку что-то скребло — тысячи мелких, сухих коготков, сопровождаемых шелестом жестких перьев. Дом, который минуту назад казался мертвым, задышал. Рафаэль замер, прижавшись спиной к тяжелому сундуку. Сквозь щели в ставнях пробился холодный, мертвенно-бледный лунный свет. Он осветил горницу, но она изменилась. Углы комнат были затянуты не паутиной, а тончайшими, полупрозрачными серыми нитями, которые пульсировали в такт какому-то подземному ритму. Внезапно из глубины дома донесся голос. Тихий, сухой, похожий на шелест опавших листьев:

— *Ты принес плату, дитя крови?*

Рафаэль дернулся, вглядываясь в темноту дверного проема. Там, в проеме, стоял силуэт. Это была женщина, но её очертания постоянно смазывались, расплывались, словно она была нарисована акварелью на мокром стекле. Её глаза — два уголька — светились тусклым, болотным светом. Он хотел крикнуть, спросить, кто она, но вместо голоса из груди вырвался лишь свистящий хрип. Он почувствовал, как перо в его ладони начинает менять температуру — оно стало раскаленным, прожигая кожу, вплавляясь в саму плоть.

— *Твоя мать отдала мне свои глаза, чтобы видеть путь в вечности,* — прошелестела фигура, приближаясь. — *А ты отдашь мне свой голос, чтобы воспеть мою печаль.*

Комната вокруг затряслась. Старые половицы начали подниматься, обнажая подполье, откуда потянуло невыносимым запахом тлена и мокрой лесной земли. Из темноты подпола показались тени — бледные, полупрозрачные руки, тянущиеся к Рафаэлю. Это были тени тех, кто когда-то жил в этом доме, тех, кого проклятие Гамаюна поглотило до него. Рафаэль понял: это не просто передача долга. Это инициация. Дом превратился в ловушку, в алтарь, где он должен либо принести себя в жертву, либо принять силу, которая выжжет из него всё человеческое. Он поднял руку с зажатым пером. Боль стала невыносимой, он чувствовал, как кости кисти начинают срастаться с ороговевшим основанием пера.

— Я не дамся, — прохрипел он, чувствуя, как внутри закипает что-то древнее, темное, не принадлежащее человеку. В тот же миг сундук, на котором он сидел, распахнулся сильнее, и из него хлынул поток ледяного черного тумана. Фигура в дверях вздрогнула и отступила, словно испугавшись силы, которую пробудил Рафаэль. Ночь только начиналась. И теперь он знал: чтобы выжить, ему придется стать тем, чего он всегда боялся больше всего — частью этого проклятого леса.

6

Сделка с Вестником

Рафаэль замер, тяжело дыша. Его ладонь, куда вплавилось перо, пульсировала багровым светом, разгоняя морок теней. Фигура в дверях остановилась. Тень, прежде лишенная черт, обрела плотность — перед ним стояла женщина с лицом, изъеденным глубокими морщинами, как кора старой сосны, и глазами, в которых кружились вихри ночного неба. Это не была просто призрачная проекция. Это был сам Гамаюн, принявший человеческое обличие — холодный, древний и безразличный к людской боли.

— Ты полон страха, — прошелестел её голос, пробирая до самых костей. — Но в твоей крови есть искры того долга, который ты должен был нести с рождения. Мать… ты хочешь увидеть её, Рафаэль? Она всё еще бродит в предгорьях моих владений, не в силах ни уйти, ни обнять тебя.

— Что нужно сделать? — голос Рафаэля окреп. Боль в руке стала путеводной нитью, дающей ему странную, ледяную ясность.

— Три испытания, — Гамаюн сделала шаг вперед. В воздухе запахло озоном и гнилой водой. — Пройдешь их — я дам тебе час с ней. Не справишься — станешь частью моего леса, вечным стражем среди терновника. Она указала длинным, тонким пальцем на окно, за которым в тумане угадывалось темное зеркало лесного озера — Запрудья, давшего название деревне.

— Первое испытание: **Камни памяти**. На дне озера лежат семь белых камней, омытых слезами тех, кто искал здесь покоя. Собери их все до того, как луна скроется за верхушками елей. Если хотя бы один останется под водой — ледяная тишина озера станет твоей навсегда. Рафаэль не раздумывал. Он знал: это безумие. Озеро глубокое, ледяное, а до рассвета — или того момента, как скроется луна — оставались считанные часы. Но в его голове уже стоял образ матери, её тихий голос, который он так отчаянно хотел услышать еще раз. Он выбежал из дома, не чувствуя холода ночи. Путь к озеру лежал через густой бурелом, который, казалось, расступался перед ним сам собой, боясь задеть перо, ставшее частью его тела. Когда он добрался до берега, луна, висевшая прямо над лесом, осветила воду. Озеро было спокойным, как стекло. Но стоило ему подойти к кромке, как вода вскипела. Камни не лежали на дне в привычном понимании — они светились в толще воды, глубоко, пульсируя, как живые сердца. Рафаэль сорвал с себя куртку и вошел в воду. Озеро обдало его не просто холодом, а мертвенным оцепенением. Каждый шаг давался с трудом, ноги вязли в иле, который, казалось, тянул его вниз, шепча голосами утопленников. Он нырнул. Вода была черной, как деготь, но перо в его ладони вспыхнуло ярким синим пламенем, разрезая тьму. Первый камень лежал у самого корня затопленного дерева. Как только его пальцы коснулись гладкой, ледяной поверхности камня, вода вокруг него забурлила от ярости. Он вынырнул, тяжело хватая ртом воздух, и зажал камень в кулаке. Осталось шесть. Но он чувствовал, как с каждым новым камнем вода становится все более враждебной, а силы покидают его тело, вытесняемые темной, нечеловеческой мощью Гамаюна.

7

Встреча в глубине

Второй камень лежал глубже, среди переплетенных коряг, напоминающих ребра гигантского зверя. Рафаэль, чьи легкие уже горели от нехватки воздуха, вновь ушел под черную воду. Свет, исходивший от пера в его ладони, метался по толще воды, выхватывая мутные силуэты затонувших деревьев. Он заметил камень — тот пульсировал мягким, молочным светом. Но прежде чем его пальцы коснулись гладкой поверхности, чья-то ледяная ладонь перехватила его запястье. Рафаэль дернулся, разворачиваясь в толще воды. Перед ним, извиваясь в потоках, парила девушка. Её кожа отливала жемчужным перламутром, а длинные волосы, тонкие и спутанные, как нити тины, плыли вокруг неё, словно нимб. В её глазах, лишенных зрачков, отражалась не тьма озера, а звезды, застывшие в глубине водной глади. Это была Водяница. Она не проявляла враждебности, лишь с любопытством рассматривала чужака. Её губы не шевелились, но Рафаэль вдруг отчетливо услышал голос прямо у себя в сознании — холодный, булькающий и переливчатый, как звук ручья:

— *Смелый, но глупый. Ты несешь перо той, что заперла небо в клетку, и пытаешься украсть камни, которые я берегла столетиями.*

Рафаэль попытался отстраниться, но её пальцы, тонкие и острые, удерживали его запястье с силой стального капкана. Он чувствовал, как кислород в легких иссякает, но странным образом не задыхался — перо в руке словно подпитывало его, давая возможность дышать самой этой мертвой водой.

— Мне нужно… — начал он, но его слова превратились в цепочку мелких пузырьков. Водяница склонила голову набок, её волосы окутали лицо Рафаэля, словно шелковые водоросли.

— *Тебе нужно её увидеть?* — усмехнулась она, и вокруг них пронеслось облако мелких рыбешек, испуганных её смехом. — *Ты ищешь ту, что давно стала частью этого болота. Ты пришел за советом к Хозяйке, но забыл спросить у её стражей: готова ли цена? Ты отдаешь частицы своей человечности за каждый камень. Посмотри на свою руку, путник.*

Рафаэль взглянул на ладонь. Кожа вокруг вплавленного пера начала сереть и чешуиться, а пальцы удлинились, став похожими на лапы лесного зверя.

— *Гамаюн не даст тебе правды,* — продолжала Водяница, её взгляд стал тревожно-грустным. — *Она лишь меняет твое нутро на свою волю. Но если ты все же хочешь дойти до конца… возьми камень. Но знай: тот, кто забирает камни памяти, оставляет взамен свои собственные воспоминания. Какой из них ты отдашь первым? Свое детство? Свой первый дом? Или память о том, как смеялась твоя мать?*

Она разжала пальцы и отпустила его руку, указывая на камень.

— *Выбирай, Рафаэль. Память — это то, что делает тебя человеком. Готов ли ты стать пустой оболочкой, лишь бы на минуту взглянуть в глаза призраку?*

Водяница отступила в темноту глубины, оставив его одного перед пульсирующим камнем. Рафаэль завис в толще воды, глядя на молочное сияние. Если он возьмет этот камень, он потеряет что-то важное навсегда. Но если он не возьмет его, он никогда не узнает правды о матери, и его путь в Запрудье станет бессмысленным. Он протянул руку к камню. В голове вспыхнул образ: кухня, залитая утренним солнцем, запах свежего хлеба и голос матери, напевающей колыбельную. *Это он отдаст.*

Рафаэль стиснул зубы и схватил камень. В тот же миг образ матери в его сознании померк, став серым и далеким, словно он пытался вспомнить сон, который видел много лет назад. Он вырвался на поверхность, глотая холодный ночной воздух, чувствуя, как внутри него стало еще чуть холоднее, а сердце забилось реже, подстраиваясь под медленный ритм лесного озера. Осталось пять камней.

8

Сети сестер

Рафаэль не успел вынырнуть с третьим камнем. Стоило его пальцам коснуться холодного гранита, как ледяная вода вокруг него пришла в движение. Вспышки света от его пера отражались в десятках пар глаз, возникших из кромешной тьмы озера. Это не была только Марфа. Из ила, из сплетений коряг, из самой толщи воды поднялись еще шесть девичьих фигур. Их бледные, полупрозрачные тела светились фосфорическим светом, превращая озеро в подобие звездного неба, перевернутого вверх дном. Прежде чем он успел вдохнуть, руки Марфы снова обвились вокруг его шеи, но на этот раз без угрозы, а с отчаянной мольбой.

— *Хватит, смертный!* — голос прозвучал в его голове хором семи женских голосов, резонируя в каждой кости его тела. — *Гамаюн не даст тебе правды. Она лишь потрошит твою память, как рыбу, собирая твои воспоминания для своей короны. Ты станешь пустым сосудом, и тогда она заберет тебя навсегда!*

Рафаэль попробовал вырваться, но его тело, уже наполовину ороговевшее от магии пера, вдруг стало невероятно тяжелым. Сестры переплели свои длинные, холодные волосы вокруг его рук и ног, образуя живой кокон.

— *Мы не дадим тебе собрать камни,* — Марфа приблизилась к его лицу, и он увидел в её глазах ужас. — *Мы заперты здесь, в озерном плену, веками. Мы служим лишь зеркалом для её прихотей. Но у нас есть путь, как обмануть Хозяйку.*

Рафаэль замер, чувствуя, как перо в его руке протестующе вибрирует, пытаясь вырваться.

— *Спаси нас,* — прошептала Марфа, и её холодные губы коснулись его лба. — *Если ты вытащишь нас из этого озера, мы дадим тебе то, чего ты ищешь. Мы покажем тебе путь к матери без крови и без потери памяти.*

— Что я должен сделать? — едва слышно выдохнул Рафаэль, чувствуя, как силы окончательно покидают его.

— *Единорог,* — прошелестели сестры. — *На рассвете, когда первые лучи коснутся поверхности озера, он придет к водопою. В его гриве сокрыта сила, способная разбить чары Гамаюна. Принеси нам один золотой волос из его гривы. Но помни: он не дастся в руки тому, у кого в сердце лишь тьма и долги.*

Рафаэль почувствовал, как сестры рывком выталкивают его на берег. Он упал на мокрый песок, тяжело дыша. Вода за его спиной успокоилась, но в глубине её теперь горели семь огоньков, ждущих его успеха. Он лежал на берегу, чувствуя, как перо в руке наконец затихло. Оно не горело, но пульсировало, словно предупреждая: Гамаюн наблюдает. Небо на востоке начало светлеть. Воздух стал прозрачным и неестественно тихим. Где-то вдалеке, в лесной чаще, раздался звонкий, торжествующий голос, похожий на звук хрустального колокольчика. Единорог приближался. Рафаэль встал на дрожащие ноги. Он был измотан, его память уже потеряла куски прошлого, а впереди ждало существо, воплощающее свет, который он в себе почти утратил.

— Золотой волос, — прошептал он, стискивая зубы. — Только это. И я свободен. Он побрел к кромке леса, навстречу первым лучам солнца, которые уже начали прорезать верхушки сосен, превращая туман в сияющее золото.

9

Окаменевшая надежда

Рафаэль затаился в густом папоротнике, стараясь не дышать. Первые лучи солнца, пронзившие туман, золотили лесную поляну у озера. И он появился — величественный, ослепительно белый, с гривой, напоминавшей расплавленное золото. Единорог ступал по траве бесшумно, словно сама земля боялась его потревожить. Сердце Рафаэля забилось в горле. Он уже приготовился к прыжку, уже протянул руку, чувствуя, как перо в ладони притихло, ожидая своей участи. Ещё мгновение — и он вырвет волос, и сделка с Водяницами будет завершена. Но в тот миг, когда он подался вперед, лес взорвался криком. Это не был крик птицы или зверя — это был торжествующий, скрежещущий звук самого мироздания, которое рушится. Из-за спины Рафаэля, словно из самого воздуха, выступила фигура Гамаюна. Она не бежала, она текла, как черная тень по стенам. Её глаза полыхнули багровым огнем, направленным прямо на единорога.

— *Наивный глупец,* — пророкотал её голос, от которого задрожали деревья. — *Ты думал, что прислужницы вод могут даровать тебе свободу? Они сами — лишь узницы моей воли.*

Единорог вскинул голову, его огромные, полные мудрости глаза отразили ужас. Он попытался развернуться, чтобы уйти, но магия Хозяйки накрыла его тяжелым, серым саваном. На глазах у Рафаэля шерсть существа начала грубеть, превращаясь в холодный, серый гранит. Золотистая грива окаменела, став острыми каменными иглами. В следующий миг единорог, ставший тяжелой, безжизненной статуей, с глухим стуком повалился на землю, а затем, словно пробив невидимую грань, провалился сквозь грунт прямо в озеро. Раздался всплеск, и тишина вновь накрыла берег. Рафаэль остался стоять на коленях, протягивая руку к пустоте. Его пальцы, искаженные магией, сжались в бесполезный кулак.

— *Срок вышел, Рафаэль,* — Гамаюн оказалась совсем близко. От неё пахло пылью веков и забытыми кладбищами. Она медленно обошла его кругом, словно хищник, изучающий добычу. — *Ты провалил все попытки. Твои Водяницы теперь закованы в камень на дне вместе с твоим призрачным спасением. А ты… ты все еще здесь.*

Она остановилась прямо перед ним, и Рафаэль вынужден был поднять взгляд. Его глаза, прежде полные боли, теперь были подернуты странной мутью — следствие отданных воспоминаний.

— *Ты пришел сюда искать пристанище, — продолжала она, наклоняясь так близко, что он почувствовал её ледяное дыхание. — Ты искал мать, ты искал покой. Но посмотри, чем ты стал. Ты — тень тени. Твой срок как человеческого существа подходит к концу. Ты больше не принадлежишь миру живых, но и к мертвым тебе дорога заказана, пока ты не исполнишь свой долг.*

Она коснулась его лба пальцем, холодным, как лед.

— *Сегодня солнце взошло, но ты его не увидишь. Теперь твоя задача — занять место того, кто будет охранять эту тишину. Ты не увидишь мать, Рафаэль. Ты станешь тем, кто охраняет её вечный сон. С этого дня дом — твоя тюрьма, а лес — твой надзиратель. Готов ли ты принять свою вечность, или хочешь еще немного помучиться в попытках сбежать?*

Рафаэль молчал. Внутри него, там, где раньше была жажда жизни и память о матери, теперь была лишь ледяная пустота, идеально подходящая для того, чтобы стать частью Запрудья.

10

Шепот Мораны

Холод пальцев Гамаюна всё ещё жег лоб, проникая в самые глубины сознания, когда Рафаэль осознал: это был не вопрос, а приговор. Пустота внутри, которую Гамаюн считала своей победой, неожиданно отозвалась странным импульсом. Словно глубоко под слоями льда, навязанного магией, проснулся крошечный, почти угасший уголек человеческой воли. «Бежать», — прошелестела мысль, не принадлежащая ни его памяти, ни его духу. Это был голос самого леса, не желавшего принимать нового стража. Когда Гамаюн отвернулась, чтобы начертить на стволе векового дуба охранную руну, Рафаэль, движимый инстинктом загнанного зверя, рванул прочь. Он не чувствовал ног, он не слышал звуков. Он был лишь сгустком страха и решимости. Мир вокруг смазался в серую полосу, пока, наконец, густой кустарник не выплюнул его на заболоченную поляну, где воздух был пропитан не пылью кладбищ, а терпким запахом гниющей листвы и предчувствием зимы. Он упал, тяжело дыша, и поднял глаза. Перед ним, опираясь на посох из выбеленной временем кости, стояла высокая женщина в одеянии, сотканном из инея и сумерек. Её лицо было лишено возраста, а взгляд — бесконечен, как сама смерть.

— Рафаэль, — произнесла она, и её голос отозвался в его груди, как треск ломающегося льда. — Дитя, которое пытается переиграть судьбу.

— Морана… — выдохнул он, узнав в ней ту, чье имя шептали в молитвах лишь в самые темные ночи. Богиня смерти не двигалась, но вокруг неё сама жизнь замирала. Она знала всё: и то, как Гамаюн обратила единорога в камень, и то, как глубоко на дне теперь покоились Водяницы.

— Она думает, что заперла тебя в своей тишине, — Морана медленно приблизилась, и трава под её ногами мгновенно покрывалась серебристым налетом. — Но ты ошибся в одном: Гамаюн не забирает жизнь, она лишь искажает её. Твое первое испытание не было провалено — оно было лишь преддверием. Тот единорог был не целью, а ключом. Она протянула тонкую руку, и на её ладони, словно из тумана, проявился фрагмент холодного, полупрозрачного кристалла.

— Твои Водяницы на дне, закованы в камень, который не берет сталь. Но их души всё еще привязаны к озеру. Чтобы разбить оковы Гамаюн, тебе нужно пять камней, что хранятся в самых потаенных углах Запрудья. Каждый из них — часть истории, которую ты забыл. Рафаэль смотрел на кристалл, чувствуя, как его тепло прогоняет морок Гамаюн.

— Как мне достать их? Она следит за каждым моим вздохом. Морана слегка улыбнулась — улыбкой, в которой не было жалости, только древний холодный расчет.

— Гамаюн — хозяйка воздуха и теней, она слепа к тому, что происходит под тяжелой толщей воды. Тебе нужен тот, кто не подчиняется её крику. Иди к Водяному. Он стар, он зол, и он ненавидит Гамаюн сильнее, чем ты можешь себе представить. Он — единственный, кто знает, где хранятся пять камней. Но помни, Рафаэль: Водяной не берет плату золотом или словами. Он берет то, что осталось от твоей человечности. Она коснулась его сердца своим посохом. Рафаэль вздрогнул, почувствовав, как лед внутри треснул, обнажая не боль, но ярость.

— Иди к глубокому омуту у Чертова пальца, — прошептала Морана, растворяясь в утреннем тумане. — Скажи ему, что смерть пришла за долгами Гамаюн. И если он спросит, чем ты готов расплатиться за правду — скажи, что отдашь ему свою память о доме, если он поможет тебе вернуть свободу. Рафаэль остался один в тишине леса. Впереди, в сторону озера, тянулась тропа, заросшая тиной. Он сделал шаг. Сделка с самой смертью была куда опаснее, чем игра с Гамаюн, но теперь у него была цель. И если для спасения тех, кто остался в камне, нужно было окончательно забыть дорогу домой — он был готов это сделать.

2 часть

11

Яворка

Сырость утреннего тумана впитывалась в одежду, но холода Рафаэль больше не чувствовал. В груди, там, где секунду назад леденела печать Мораны, тлел обжигающий уголек ярости. Пространство перед глазами на миг вспыхнуло белым, словно осколок того самого кристалла, а затем мир вокруг рухнул в темноту.

— —

Рафаэль очнулся от мерного, глухого звука — где-то совсем рядом тяжело и сыто переступал копытами зверь, а на лицо падали редкие, теплые капли. Он лежал на пологом, заросшем осокой берегу озера. Вода у кромки была неподвижной, как зеркало, в котором отражалось свинцовое небо Запрудья. Голова раскалывалась так, будто её пытались расколоть клином: тупая, пульсирующая боль прошивала виски при каждой попытке пошевелиться.

— Тихо ты. Не дергайся, — раздался над ним мягкий, но уверенный голос. Рафаэль зажмурился и попытался приподняться, но сильная рука осторожно, но непреклонно прижала его плечо к траве. Над ним склонилась девушка. На вид ей едва ли исполнилось девятнадцать, но в её распахнутых серо-зеленых глазах не было и следа девичьей растерянности. Густые русые косы были спутаны репейником, подол длинного холщового платья вымазан в прибрежной грязи, а на плечах висел грубый шерстяной плат. Она ловко и привычно затягивала на его голове узел из чистой, пахнущей луговыми травами тряпицы, пропитанной целебным отваром.

— Где… — хрипло выдохнул Рафаэль, чувствуя, как саднит горло. — На берегу, где же ещё, — вздохнула незнакомка, опускаясь на колени рядом с ним. — Нашла тебя у самой кромки омута. Лежал лицом в тину, бредил про какого-то Водяного и ледяные кристаллы. Я уж думала, всё, отбегался голубчик. На вот, выпей. Она поднесла к его пересохшим губам глиняную крынку. Рафаэль жадно припал к ней: густое, еще совсем парное коровье молоко обожгло израненное горло живым теплом, мгновенно возвращая силы и прогоняя остатки моркока.

— Спасибо… — выдохнул он, отстраняясь и с удивлением глядя на девушку. — Меня зовут Рафаэль. А ты как здесь оказалась? В это время суток в Лесу Запрудья даже волки носа не казывают, не то что…

Он бросил взгляд в сторону. Неподалеку, лениво срывая молодые побеги осоки, стояла пестрая, покладистая корова с большими влажными глазами. Она тихонько фыркнула, словно подтверждая их компанию. Девушка тихо усмехнулась, расправляя складки платья, и села рядом, обхватив колени руками. В её взгляде, настороженном и в то же время удивительно теплом, мелькнула искра живого интереса.

— Яворка меня зовут, — представилась она. — А корову эту зовут Мамка. Мы с ней на двоих держим всю оборону от местной нечисти. Почему в лесу? Да всё просто, Рафаэль. В деревне нашей, что за холмом, тесно стало. Староста вздумал отдать меня за местного писаря — старого, вредного борова, у которого на каждого жителя по амбарной книге грехов записано. А я сбежала. Забрала единственное, что по праву моим было, — корову эту кормилицу, да ушла в чащу. Думала, волки съедят или леший приберет — всяко лучше, чем за нелюбимого идти. А тут ты со своими ледяными кошмарами. Она посмотрела на него чуть лукаво, но без единой тени страха. В этом безлюдном, проклятом лесу, где каждый куст дышал древней ворожбой, её простое человеческое присутствие казалось Рафаэлю чудом. Между ними словно невидимой нитью натянулось то самое хрупкое, забытое чувство симпатии — простое, земное, не обремененное ни проклятиями Мораны, ни холодной тенью Гамаюн.

— Ты зря сюда пришла, Яворка, — тихо сказал Рафаэль, чувствуя, как тяжесть предстоящего пути отступает перед её улыбкой. — Здесь опасно. Очень опасно. — Знаю, — кивнула она, легко касаясь пальцами его плеча. — Но знаешь, Рафаэль? Одной в этом лесу жутко. А вдвоем… вдвоем мы хотя бы попытаемся переиграть тех, кто считает себя здесь хозяевами.

Куда ты путь держишь? — К Чертову пальцу, — ответил он, поднимаясь на ноги и чувствуя, как лед в груди отзывается на каждый удар сердца. — Мне нужен Водяной. Яворка поднялась следом за ним, легко подхватив корову за веревочную уздечку. — Ну, раз к Водяному — значит, по дороге, — упрямо вздернула подбородок она. — Пошли. Мамка тропинку знает лучше любого проводника.

12

К чертову пальцу

Путь к Чертову пальцу оказался не столько дорогой, сколько полосой препятствий. Лес Запрудья неохотно расступался перед непрошенными гостями. Вязкая грязь прибрежной топи сменилась коварным бурелом, где каждое поваленное дерево, казалось, было уложено сюда не временем, а злобной волей Лешего. Старые ели, покрытые седым мхом, смыкали кроны, почти полностью перекрывая доступ свинцовому дневному свету, отчего в лесу царил вечный, тягучий сумрак. Рафаэль шел первым. После того, как лед в груди треснул под посохом Мораны, он чувствовал себя одновременно опустошенным и пугающе живым. Воспоминания о прошлой жизни, о доме, о том, кем он был до Гамаюн, стали тусклыми, словно стертые монеты. Он с трудом мог вспомнить лицо своей матери, но отчетливо помнил, что должен сказать Водяному. Этот холодный, прагматичный долг стал его единственным компасом. Он продирался сквозь заросли крапивы и ежевики, не замечая царапин, полностью сосредоточившись на цели. Каждый его шаг был выверен, каждое движение — экономным. В нём проснулась жесткая, хищная решимость, та, что бывает у загнанного зверя, который решил стать охотником. Яворка шла следом, и её присутствие было странным диссонансом в этой мрачной симфонии. Она умудрялась вести за собой Мамку — пеструю корову, которая, вопреки здравому смыслу, удивительно ловко перешагивала через коряги и пролезала в самые узкие проходы между деревьями. Яворка не кралась — она шла. Она не пыталась слиться с лесом, а словно игнорировала его враждебность. Её платье, хоть и вымазанное в глине, все еще хранило следы прежней жизни, а на шее, среди диких трав, которыми она украсила себя, висел простой серебряный крестик — единственное напоминание о том, что у неё была другая, мирская жизнь. Она постоянно что-то напевала вполголоса — старинные, наивные песенки, которые должны были отпугивать нечисть, но в этой глуши они звучали как вызов.

— Ты слишком шумишь, Яворка, — бросил Рафаэль, не оборачиваясь, когда они остановились перед особенно густым ельником.

— А ты слишком молчишь, Рафаэль, — парировала она, беззлобно, но твердо. Она погладила Мамку по боку. — Если я буду молчать, я сойду с ума от этого безмолвия. А если Мамка будет молчать, она решит, что мы заблудились. Рафаэль остановился и обернулся. Он посмотрел на неё — на её раскрасневшееся от усилий лицо, на прядку волос, выбившуюся из косы и прилипшую ко лбу, на её глаза, в которых, несмотря на все ужасы леса, плескался азарт. В ней не было ни капли той покорности, которую он ожидал встретить. Она была из другого теста — из того, что замешано не на мистике, а на упорстве и простой, земной вере в то, что добро должно восторжествовать, если его как следует попросить. Между ними словно повисло молчание, полное невысказанных слов. Он видел в ней отражение своей человечности, которую так отчаянно хотел сохранить, но которую должен был отдать Водяному. Она видела в нём воплощение того, от чего она сбежала, — не в смысле принуждения, а в смысле неизбежного рока, перед которым человек бессилен. Но оба они понимали, что теперь они в одной упряжке. Яворка встретила его взгляд, не опуская глаз. Она вытерла руки о подол платья и сказала фразу, которая врезалась ему в память, как лезвие в дерево:

— **Знаешь, Рафаэль, в тебе слишком много мрака, чтобы понять свет, а во мне слишком много света, чтобы бояться мрака. Но если мы объединим этот мрак с моим светом, то получится не плохая коалиция против здешней нечисти. Быть может, в иное время мы бы стали лучшими друзьями, если бы не мир, который спятил.**

Рафаэль на миг закрыл глаза. Он вспомнил, что хотел отдать Водяному память о доме. Глядя на Яворку, он понял, что цена была не только в том, чтобы забыть дом, но и в том, чтобы потерять способность видеть таких людей, как она. Но выбора не было.

— Пошли, — сухо сказал он, отворачиваясь и прорубая путь к омуту Чертов палец. Яворка ободряюще шлепнула Мамку по крупу и поспешила за ним, её простая человеческая песенка вновь зазвучала в лесу, который становился всё темнее и холоднее с каждым шагом.

13

Лель

Лес Запрудья расступился неожиданно, открывая просторную, усеянную черными валунами поляну, в центре которой замерла мертвая, звенящая тишина. Но тишина эта не была пустой. Воздух над поляной дрожал, сгущаясь в золотисто-медовое марево, пахнущее раскаленной сосновой живицей, прелыми листьями и сладковатым тлением. На вершине самого высокого пологого валуна, закинув ногу на ногу и беззаботно раскачиваясь, сидел юноша. Он казался воплощением вечной, легкомысленной юности: стройный, почти невесомый, с кожей цвета топленого молока и копной вьющихся золотистых волос, в которые были вплетены свежие побеги хмеля. Его глаза — зелено-карие, лукавые и бездонные — смотрели на мир с извечным насмешливым призывом. Одет он был легко, в кремовую рубаху с распахнутым воротом, открывающим точеные ключицы, и легкие портки, измазанные лесной пыльцой. В его изящных пальцах покоилась двойная деревянная свирель — рогач. Это был Лель. Бог страсти, праздности и хмельного безумия, чье присутствие здесь, в мрачной глуши Запрудья, казалось таким же неуместным, сколь и смертельно опасным. Его губы коснулись свирели, и над поляной полилась музыка. Она не просто звучала — она проникала под кожу, затапливая вены тягучим, обжигающим теплом. Рафаэль почувствовал, как ледяной панцирь прагматичного долга в его груди внезапно затрещал, но на сей раз не от холода, а от бешеного, исступленного жара. Мир вокруг сузился. Краски стали ярче, запахи — острее. Лесная чаща ожила. Из-за валунов, с ветвей старых елей, из вязкой травы полезли тени. Кикиморы с водорослями в спутанных волосах, полупрозрачные мавки с оскаленными в безумных улыбках ртами, косматые лешие и одичалые полуночницы закружились в хороводе. Они двигались синхронно, плавно, подчиняясь чарующему ритму рогача.

— Ну же, путники! — голос Леля звучал одновременно отовсюду и ниоткуда, переливаясь серебряным звоном ручья. — Куда вы спешите? В ледяные объятия Водяного? К осточертевшему долгу? Посмотрите вокруг! Жизнь — это искра, и пока она горит, ее нужно бросить в костер!

Мелодия изменилась, стала ниже, чувственнее, настойчивее. Мамка-корова тихо вздохнула, опустила голову и замерла, будто зачарованная. Яворка качнулась вперед. Её глаза расширились, зрачки сузились от подступающего наваждения. На её губах заиграла странная, чужая улыбка — не её собственная, а та, которую навязывал этот дикий, первобытный мотив. Мелодия звала её забыть про крестик на шее, про заботу о корове, про весь этот треклятый мир. Она шагнула к центру поляны, поднимая руки в приглашающем, пьянящем жесте.

— Иди ко мне, девочка, — шептал Лель, не отрывая губ от свирели, а его глаза искрились лукавым азартом. — Хватит тащить чужие грехи. Познай легкость хмельного танца, отдайся огню, пока он не погас. Рафаэль попытался сделать шаг назад, но его ноги налились свинцом. Музыка Леля вскрывала самые глубокие тайники его души, вытаскивая наружу подавленные желания, жажду жизни, от которой он добровольно отрекся, и нерастраченную нежность. Его взгляд столкнулся со взглядом Яворки. В сумеречном свете поляны она казалась невероятно живой, манящей, огненной. Внутри Рафаэля рухнула последняя плотина. Издав глухой, сдавленный стон, он сорвался с места и рывком сократил расстояние между ними. Его рука грубо, но отчаянно схватила её за запястье, притягивая к себе.

— Рафаэль… — выдохнула она, и в её голосе не было испуга, лишь сладкое, головокружительное согласие.

— Молчи, — хрипло бросил он, и в его голосе звучала уже не хищная решимость, а надрывный, исступленный голод. Они закружились в центре поляны, прямо посреди завывающей, скалящейся нечисти. Лель рассмеялся — звонко, триумфально — и заиграл быстрее, ведя их в безумный транс. Хоровод лесных духов сомкнулся вокруг них плотным кольцом, подхватывая

ритм хлопками в ладоши и звериным улюлюканьем. Лель подался вперед, сидя на валуне, его пальцы порхали по свирели с невероятной скоростью, а лицо озарилось улыбкой абсолютного победителя.

— Вот так! — крикнул бог страсти, п

ритоптывая босой ногой по камню. — Соедините мрак и свет в едином пламени! Станьте частью моего вечного праздника!

В этот самый момент воздух над поляной со свистом рассекло что-то тяжелое и быстрое. *Хруп!*

Сухой, звонкий треск дерева разорвал чарующую мелодию. Деревянная свирель в руках Леля разлетелась на две неравные щепки, выбитая из его пальцев толстой охотничьей стрелой с черным гусиным оперением. Стрела со страшной силой вонзилась в каменный валун в дюйме от колен бога, глубоко уходя древком в гранит. Музыка оборвалась на самой высокой, надломленной ноте. Лесна́я нечисть с визгом и шипением шарахнулась в стороны, растворяясь в тенях елей, словно мошки от вспышки света. Очарование рассеялось в одно мгновение, оставив после себя лишь едкий запах гари, холодный лесной ветер и оглушающую, звенящую тишину. Рафаэль и Яворка резко остановились, тяжело дыша, словно вынырнув из ледяной проруби. Рафаэль всё еще сжимал её запястье, его пальцы дрожали, а в глазах вместо недавнего безумия плескался дикий, осознанный ужас от того, как легко они поддались. Лель сидел на валуне, потрясенно глядя на свои пустые руки, а затем перевел взгляд на дымящееся древко стрелы. На его красивом лице впервые за все время мелькнула тень подлинной злости.

— Кто смеет портить песню?! — взвизгнул бог, резко вскакивая на камне и заслоняя лицо ладонью от лучей солнца, пробившихся сквозь кроны. Из-за раскидистой ели, неслышно ступая по ковру из хвои, вышел человек с тяжелым тугим луком наперевес, скрытый за темным охотничьим плащом.

14

Берегиня

Тишина после выстрела звенела в ушах так гулко, что казалось, будто сам воздух натянулся тетивой. На месте, где только что стоял закутанный в темный плащ охотник, не осталось никого. Лишь тяжелый тугой лук со свистом рассек пустоту — или это был лишь обман зрения?

Когда Рафаэль и Яворка, всё еще не до конца пришедшие в себя после наваждения, подбежали к раскидистой ели, из-за ствола выглянул вовсе не суровый бородатый лесничий. На них смотрела молодая девушка. На её плечах висел всё тот же темный охотничий плащ, скрывающий ладную, крепкую фигуру, а в руке она держала тот самый массивный лук. Густые русые волосы были заплетены в толстую косу, обвитую еловыми ветками, а на скуле залег темный мазок лесной сажи. В её серых, пронзительных глазах не было ни страха, ни удивления — лишь усталая, привычная суровость.

— Тьфу ты, пропасть! — Яворка первой нарушила молчание, прижимая руку к груди и с облегчением выдыхая. — Матушка Заступница… Мы-то думали, лихой человек аль разбойник лесной, а тут девица с луком! Ты зачем же стрелу-то в камень пустила, милая? Чуть бога не прикончила!

Девушка опустила лук, но тетиву ослаблять не спешила. Она смерила путников холодным, оценивающим взглядом, зацепившись глазами за испуганное лицо Рафаэля и замершую неподалеку пеструю корову.

— Бога? — голос незнакомки прозвучал неожиданно низко и твердо, с легким певучим местным говорком. — То не бог был, а морока ходячая. Лель это. Он путников заманивает хмельной песней на глухие валуны, а после они там с концами сгибаются — кто рассудком тронется, кто в болоте сгинет, танцуя до упаду, пока сердце не разорвется. Мало ли вас тут ходит, оглашенных. Рафаэль шагнул вперед, чувствуя, как в груди утихает бешеный пульс. Он оглянулся на пустой валун, где еще минуту назад бесчинствовал дух страсти.

— Ты спасла нас, — сказал он, и в его голосе прозвучала редкая для него нотка искренней благодарности. — Мы бы не выбрались. Этот… Лель совсем затуманил голову. Как звать тебя, спасительница?

— Берегиня, — коротко бросила девушка, перекидывая лук за спину. Она окинула их взглядом с ног до головы, заметив бледность Рафаэля и потрепанное платье Яворки. — Дорога к Чертову пальцу через топи закрыта. Туда сейчас соваться — только душу богу отдавать, да и Водяной вас живыми не примет, пока на вас дух лесного игрища висит. Пойдемте. До ночи нужно уйти отсюда подальше. Моя сторожка близко.

— Сторожка? — с надеждой переспросила Яворка, поглаживая Мамку по холке. — А укроме крыши над головой найдется ли у тебя корочке хлеба капля тепла? Мы с дороги совсем извелись.

— Найдется, — кивнула Берегиня, уже разворачиваясь и уверенно шагая в чащу, куда не проникал дневной свет. — И хлеб, и кров. Шагайте след в след за мной, ветки не ломайте. Они шли минут двадцать по еле заметной, заросшей папоротником тропинке, пока между стволами деревьев не показалось приземистое, добротное строение, срубленное из крепкого серого бревна и укрытое толстым мшистым ковром. Вокруг сторожки был разбит небольшой огород, обнесенный частоколом, на котором висели пучки сушеных трав и обереги из березовой коры. Внутри было тепло, пахло сухой полынью, топленым молоком и еловой смолой. Пока Яворка хлопотала у печи, помогая хозяйке ставить чугунок, Рафаэль сидел на лавке у окошка, наблюдая за Берегиней. Она молча налила им горячего травяного отвара в глиняные кружки, поставила на стол краюху ржаного хлеба и только тогда присела на лавку напротив, скрестив руки на груди.

— Ты говорила так, будто знаешь здешние места как свои пять пальцев, Берегиня, — нарушил молчание Рафаэль, согревая ладони о глиняную чашку. — Почему ты одна живешь в этой глуши? До ближайшего селения — сутки ходу через топи. Разве человеку по своей воле тут место?

Берегиня помолчала несколько секунд, глядя на пляшущий в печи огонек. Её лицо в полумраке сторожки казалось высеченным из камня — спокойным, но хранящим застарелую боль.

— По своей воле в Запрудье никто не остается, — тихо произвела она, и в её голосе сколь знула жесткая горечь. — Раньше я жила в деревне у самого большака. Жизнь шла ладно, своим чередом. Отец был знатным охотником, меня научил и лук держать, и зверя по следу чуять. А потом… потом в наш край пришла беда. Не хворь, не лихие люди. Лес начал наступать. Деревья подбирались к самым иззам, скот чах, а люди поодиночке уходили в чащу, забывая свои имена, точно их кто-то звал по имени из темноты. Она перевела дыхание и бросила взгляд на серебряный крестик, качнувшийся на груди у Яворки.

— В одну из ночей отец ушел провертить силки на опушке и не вернулся, — продолжила Берегиня, и её пальцы невольно сжали край столешницы. — Я бросилась искать его сама. И нашла здесь, на этой самой поляне. Он стоял посреди хоровода нечисти, такой же зачарованный, как вы сегодня, с абсолютно пустыми глазами. Я пыталась вытащить его, кричала, звала… Но Леший и мавки уже забрали его душу. Отец упал на камни мертвым за секунду до того, как я успела добежать. В сторожке повисла тяжелая, звенящая тишина. Даже огонь в печи словно притих, потрескивая сухими сучьями.

— И тогда я поняла, — твердо закончила Берегиня, поднимая на путников свои серые глаза. — Если уйти отсюда — лес пожрет и тех, кто остался в деревне. Кто-то должен держать здесь оборону. Я построила эту сторожку на границе топей, чтобы ставить ловушки не на зверя, а на тех, кто возомнил себя хозяевами человеческих судеб. Лель думает, что он здесь властелин праздника, но пока у меня есть лук и стрелы — через эту черту не пройдет никто. Ни лесная нечисть, ни ваши призрачные долги. Яворка тихо вздохнула, обошла стол и неуверенно, но тепло обняла суровую хозяйку за плечи.

— Почто же ты одна воюешь с целым лесом, девочка? — с искренней жалостью прошептала она.

— Не одна теперь, — ответила Берегиня, впервые позволив уголкам губ тронуться едва заметной, сдержанной улыбкой. — Завтра мы вместе пойдем к Чертову пальцу. Водяного не проймешь стрелой, но я знаю тропу, где его сила слабее. Отдохните. Завтра будет долгий день.

15

Мамкино ушко

Утро в сторожке выдалось серым, пропитанным тяжелой сыростью, ползущей со стороны болот. Лесной туман цеплялся за кроны елей, когда путники вышли на небольшую поляну за частоколом, где на ночь осталась привязанная Мамка. Корова стояла странно, неестественно завалившись на левый бок. Когда Яворка приблизилась к ней, ласково покликая по имени, животное глухо и жалобно мыркнуло, пытаясь переступить с ноги на ногу. Но передняя правая нога безвольно качнулась — сустав опух, а под тугой кожей отчетливо проступил неестественный излом. Видимо, ночью испуганная лесной нечистью корова угодила в скрытую под папоротником глубокую расщелину между валунами. Рафаэль тяжело вздохнул, опустившись на корточки рядом с животным. Он провел рукой по жесткой шерсти Мамки, чувствуя, как та дрожит от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.